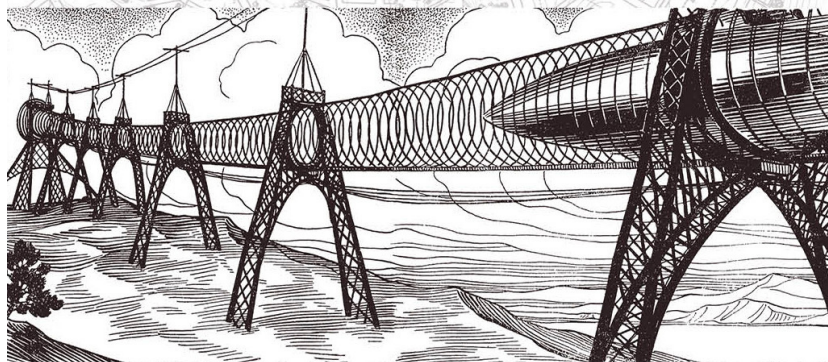

Дмитрий Ермолаев

СЕВЕР, которого не было

Мечты фантастов
и реальные планы

Дмитрий А. Ермолаев

Север, которого не

было. Мечты фантастов

и реальные планы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74289521

Север, которого не было. Мечты фантастов и реальные планы:

Паулсен; Москва; 2026

ISBN 978-5-98797-478-0

Аннотация

Книга приглашает в необыкновенное и захватывающее путешествие по страницам почти забытых ныне фантастических произведений, описывавших грядущее Севера и Арктики. Также читатель найдет здесь рассказ о реально существовавших планах и проектах, кажущихся порой более несбыточными, чем самые смелые фантазии писателей. Основное внимание автор уделил Кольскому Заполярью, сфокусировавшись на малоизвестных творениях фантастов и редких архивных документах второй половины XIX – первой половины XX века. Эта написанная легким, доступным языком и богато иллюстрированная книга будет интересна всем, кто любит Север и интересуется историей Арктики. Она прекрасно подходит и для молодых читателей, только начинающих знакомиться с северной темой.

Содержание

От автора	5
Глава 1. «Наутилус» на Мурмане	9
Глава 2. Сказочная страна будущего	26
Глава 3. Северная твердыня русского флота	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Дмитрий Ермолаев Север, которого не было. Мечты фантастов и реальные планы

В книге использованы фотографии из фондов Государственного архива Мурманской области, архива издательства «Паулсен», Национальной библиотеки Норвегии, частных собраний, находящиеся в общественном достоянии.

© Ермолаев Д. А., 2026

© ООО «Паулсен», 2026

От автора

У будущего, как ни странно, тоже есть прошлое. Точнее, не у самого будущего, а у наших представлений о нем, будь то существовавшие когда-то планы и проекты или созданные много лет назад фантастические произведения. Во второй половине XIX и первой половине XX столетия, а именно об этой эпохе пойдет речь ниже, завтрашний день Севера, Арктики, Кольского Заполярья виделся во многом иначе, чем сейчас. Да, не всё предсказанное сбылось, не все расчеты оправдались. Да, прежние взгляды на будущее порой кажутся смешными, незамысловатыми и наивными. Но в ту пору их принимали всерьез, считали смелыми и дерзновенными. Они будили мечты, будоражили воображение и в конечном счете стали той основой, той почвой, на которой вырос день сегодняшней. Вполне достаточное основание, чтобы о них помнить.

В этой книге сплетены воедино грезы фантастов и всерьез предлагавшиеся к осуществлению замыслы ученых, архитекторов, инженеров.

Что до фантастики, северная, арктическая тематика занимает и всегда занимала в этом жанре особое место, мало чем уступая космической. Это, впрочем, неудивительно, ведь Север и Арктика и были нашим первым космосом, о покорении ледяных просторов которого еще век назад меч-

тали ничуть не меньше, чем о межзвездных полетах.

Но для меня это еще и личная история, память о проживотом. «Капитан Гаттерас», взятый на пару дней у друга в пятом классе, подаренная родителями на день рождения годом позже «Земля Санникова». Вкупе с написанными в реалистичном ключе, но казавшимися столь же несбыточными «Двумя капитанами» они составляли особый мир. Мир гениальных прозрений и вымышленных героев, чье спокойное мужество на краю гибели заставляло сердце сжиматься и вызывало слезы. Мир, полный скрежета торосов и редких ружейных выстрелов, запаха мокрой собачьей шерсти и бульканья растопленного в жестянке из-под консервов снега. Мир затертых льдами кораблей и отчаянных, на пределе сил, походов к полюсу.

Со временем этот мир рос, вбирая в себя всё новые фантастические произведения, в том числе и те, что касались Мурмана. И все больше росло удивление – насколько фантастика и реальность были в ту пору близки друг к другу, смыкались меж собой. Потом и вовсе пришло понимание – крыльями полета фантазии часто служили настоящие идеи и гипотезы, а самый смелый прорыв в светлое будущее почти всегда опирался на точное знание действительно существовавших проектов и планов.

С этими проектами и планами, изложенными строгим языком пояснительных записок, справок, технических обоснований, я много раз сталкивался, работая в Государствен-

ном архиве Мурманской области (ГАМО), других архивах, библиотеках, изучая документы и материалы прессы минувших лет. И чем дальше, тем больше поражался тому, что иные настоящие, действительно предлагавшиеся к осуществлению начинания выглядели куда фантастичнее любых писательских утопий.

В итоге появилось понимание: фантастика и реальные замыслы – неотделимые друг от друга части единого целого, единого взгляда на будущее Севера. И возникла идея – соединить их вместе на страницах книги. Что я и попытался осуществить в меру разума и сил. Насколько получилось – судить вам.

...Арктика – это «мастерская погоды». Метеорологи только тогда смогут безошибочно предсказывать погоду, когда вся Арктика покроется сетью радио- и метеостанций. Арктика – это страна несметных и еще почти неизведанных богатств. Мы только приоткрыли арктический сундук и уже нашли апатиты, железную руду, уголь, графит, нефть, цветные металлы, торф, сланцы и прочее и прочее, притом в таких количествах, которые изменяют все наши представления о мировых запасах полезных ископаемых. А ее бесконечные леса? А неисчислимое количество морского зверя и рыбы полярных морей, рек, озер? А пушные богатства лесов? А бесчисленные стада диких оленей?

Арктика – это страна будущего, а не страна «погибели и ужаса», какой она была и какой еще

кажется многим до сих пор.

Александр Беляев. «Под небом Арктики»

Глава 1. «Наутилус» на Мурмане

Кто из нас не зачитывался в детстве книгами Жюль Верна? Мы с замиранием сердца следили за поисками капитана Гранта, рисовали на картах маршруты капитана Немо, переживали за судьбу пяти американцев, заброшенных бурей на таинственный остров. Знаменитый французский писатель, ставший одним из основоположников сформировавшегося во второй половине XIX столетия жанра научной фантастики, писал и о Севере.

АРКТИЧЕСКИЕ ПРЕДВИДЕНИЯ И РОМАНЫ О РОССИИ

Еще в 1855 году он опубликовал повесть «Зимовка во льдах». Ее персонажи оказываются на борту судна, затертого полярными льдами, и, лишь испытав множество лишений, преодолев множество преград, возвращаются домой. Частично эпизоды этой повести были в дальнейшем использованы автором при создании романа «Путешествие и приключения капитана Гаттераса», увидевшего свет в 1864–1865 годах. Верн рассказывает в нем о вымышленном путешествии на Северный полюс. Самая северная точка планеты, по его версии, находится на острове, в центре которого

расположен действующий вулкан.

Эта гипотеза великого писателя не оправдалась, зато пророческой оказалась идея, описанная на страницах изданного в 1873-м романа «В стране мехов», где люди скитаются по Арктике на огромной льдине. В 1937 году советские исследователи осуществили ее на практике, организовав первую в мире полярную научно-исследовательскую дрейфующую станцию «Северный полюс – 1» под руководством Ивана Папанина.

Дрейфующая станция «СП-1» накануне эвакуации. 1938 г. Из архива М. Г. Ушаковой

Писал Жюль Верн и о нашей стране. Действие девяти его

романов полностью или частично происходит в России, где сам он, увы, так ни разу и не побывал. Прямое упоминание Кольского Заполярья в его произведениях встретилось мне лишь однажды. В первом томе подготовленной Верном «Истории великих путешествий» среди прочего описана и трагическая гибель команды корабля Хью Уиллоуби в устье реки Варзины в 1554 году.

ПОЛЮС НА ПРОДАЖУ

«Два корабля – Уиллоуби и Дюрферта – были унесены бурей далеко на север и пристали, вероятно, к Новой Земле, а затем, теснимые льдами, направились к югу и долго блуждали по Баренцеву морю. 14 сентября они вошли в гавань на Кольском полуострове, образуемую устьем реки Арзины (Варзина) в 75–80 километрах к северо-западу от мыса Святой Нос. Некоторое время спустя корабль Дюрферта "Доброе доверие", отделенный бурей от корабля Уиллоуби, возвратился в Англию; что касается последнего, то русские поморы нашли в следующем году его корабль, затертый льдами, на северном побережье Кольского полуострова. Весь экипаж погиб от холода. Так, по крайней мере, можно судить по судовому журналу, который несчастный Уиллоуби вел до января 1554 г.»

Но существует еще по крайней мере одно творение писателя, действие которого, пусть и опосредованно, касается

Мурмана: последняя часть трилогии Пушечного клуба – созданный в 1889-м роман «Вверх дном». Сегодня, пожалуй, эту вещь можно считать антиутопией. Судите сами.

По сюжету, в американском Балтиморе образовано общество, именующее себя Арктической промышленной компанией и планирующее разработку залежей каменного угля на Северном полюсе. 3 декабря 189... года оно устраивает аукцион, на котором выставлены на продажу все земли Северного полушария от 84-й параллели до самой макушки планеты. На эти территории претендуют США, Англия, Дания, Швеция, Норвегия, Голландия и Россия. На аукционе побеждают Штаты... Вам это ничего не напоминает? Например, перешедший уже в практическую плоскость современный раздел Арктики?

Жюль Габриель Верн

Для того чтобы получить доступ к богатствам полярных недр, решено с помощью выстрела из громадной пушки сместить орбиту Земли. Акционерам Арктической промышленной компании сообщают, что «перемещения на двадцать три с половиною градуса будет вполне достаточно для того, чтобы наша Северная область со всеми своими ледяными полями получила то количество тепла, при наличии которого растают ее снега и льды». Ну чем не глобальное потепление!

КОЛЬСКИЙ ПОЛУОСТРОВ ЕДВА НЕ УТОНУЛ

Однако постепенно выясняются неприятные подробности. Из-за таяния арктических льдов уровень моря повысится больше чем на 3 тысячи метров и практически все северные районы планеты будут затоплены. В том числе, безусловно, и Кольский полуостров. Еще треть мировой территории останется без воздуха. Показательна реакция «цивилизованного» общества: *«Если бы под вновь образовавшимися морями исчезли только якуты, лапландцы (то есть саамы, живущие в том числе и на Кольском Севере! – Д. Е.), патагонцы, даже китайцы и японцы, – ну, тогда, быть может, европейские державы и примирились бы с этой катастрофой. Но она заденет интересы слишком многих государств, и общий протест неизбежен»*. Двойные стандарты в действии. К

счастью для населения Земли, из-за ошибки в расчетах решающий выстрел заканчивается ничем, и все остается как прежде.

Краешком задевает Жюль Верн тему, связанную с Кольским Заполярьем, в романе «Удивительные приключения дядюшки Антифера», увидевшем свет в 1894 году. Часть действия этого произведения происходит на севере Норвегии, в одном из главных центров поморской торговли – Хаммерфесте. *«Гаммерфест, – сообщает писатель, – по преимуществу город рыбы и всех добываемых рыбной ловлей продуктов. Рыбу едят собаки, рыбу ест рогатый скот, рыбу едят бараны и козы, и сотни судов, работающих в этих удивительных краях, вывозят гораздо больше того, что в действительности съедается».*

Вывозили рыбу и поморы, покупавшие ее и менявшие на хлеб. Среди сотен поморских судов, ежегодно швартовавшихся в Хаммерфесте, были и те, что приходили из Колы – древней столицы Мурмана.

В «КОМАНДЕ» ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ

Известно, что самой северной страной, где побывал классик мировой фантастики, стала Норвегия. Он посетил ее в 1861 году и с тех пор не раз упоминал в своих произведениях. Да ведь и сверхпопулярные «20 000 лье под водой» заканчиваются, если помните, тем, что «Наутилус», ведомый

капитаном Немо, едва не гибнет в гигантском водовороте у Лофотенских островов. 20 000 лье – это приблизительно 100 тысяч километров, несколько кругосветных путешествий. Неужели за годы скитаний удивительный подводный корабль ни разу не подходил к берегам Кольского полуострова? Оказалось – подходил. Правда, завел его туда вовсе не Жюль Верн... Но – не будем забегать вперед.

Таким представляли себе капитана Немо советские кинематографисты. Кадр из фильма «Капитан Немо». В роли Немо – Владислав Дворжецкий

В 60–70-е годы позапрошлого века, когда создавались ро-

маны о капитане Немо, освоение Мурмана постепенно переходило из теоретической плоскости в практическую. Одним из главных оставался вопрос – нужен ли здесь, на заполярной окраине России, морской порт. Среди тех, кто пытался внести свою лепту в его решение, был и великий князь Владимир Александрович, позже, в 1885-м, возглавивший экспедицию, обследовавшую северные районы страны. Членом «команды», сопровождавшей великого князя в этом путешествии, стал литератор Константин Случевский. Подходя к суровым берегам Кольского полуострова, Константин Константинович, несомненно, уже знал, кто такой капитан Немо. Впервые на русском языке «20 000 лье...» появились в 1870 году сразу в двух журналах, а в последующие несколько лет в Петербурге и Москве произведение было издано в четырех различных переводах. «Восемьдесят тысяч верст под водой. Путешествие под волнами океана» – так назывался роман в самом известном из переводов, принадлежащем перу Марко Вовчок.

КАПИТАН НЕМО У МУРМАНСКИХ БЕРЕГОВ

«Нужна ли нам вообще гавань на Мурмане? – размышлял Случевский в своих путевых заметках, составивших впоследствии двухтомник "По северо-западу России". – Нужна ли военная или можно было бы удовлетвориться коммерческою? Нужно ли иметь тут военный оплот или достаточ-

но довольствоваться норвежскими крепостями? Если нужно, то подходят ли гавань Иоканская, или Екатерининская, или какая-либо третья? Все это вопросы большой важности».

Константин Константинович Случевский

Со временем перспективы появления порта стали проясняться. В 1896 году в Кольском заливе началось сооружение

торжественно открытого тремя годами позже Александровска – нынешнего Полярного. А в 1898-м мимо берегов Мурмана проплыл в Белое море капитан Немо.

Не знаю уж, наблюдал бывший мятежный принц Даккар, нынешний Немо, за строительством Александровска, изучал обогревающее Кольский полуостров ответвление Гольфстрима или просто путешествовал по своим делам, но именно в здешних холодных водах случилось нечто, изменившее его планы. Он узнал об удивительном человеке, поселившемся вдали от благ цивилизации – на Новой Земле, в окрестностях пролива Маточкин Шар. По дошедшим до Немо сведениям, талантливый ученый Фиц-Рой, благодаря своим изобретениям, заставил природу служить людям и обеспечил себе в арктической пустыне вполне комфортное существование. Создатель «Наутилуса» был заинтригован и, кроме того, почувствовал в новоземельском отшельнике родственную душу – такого же исследователя и изобретателя, каким являлся сам. Немо отправился в путь.

Реальная жизнь порой закручивает сюжеты, оставляющие далеко позади любую писательскую фантазию. Талантливый поэт и прозаик Константин Случевский побывал на Мурмане в 1885 году, сопровождая великого князя Владимира Александровича. После чего, помимо двухтомника путевых очерков «По северо-западу России», из-под его пера вышли «Мурманские рассказы» и цикл стихов «Мурманские отголоски» – первое масштабное

поэтическое произведение, целиком и полностью посвященное Кольскому Заполярью.

Константин Константинович, скончавшийся в 1904 году, конечно, не мог предвидеть, что один из его сыновей – Николай Константинович Случевский получит профессию инженера-электрика, в 1916 году «завербует» на строительство Мурманской железной дороги и приедет в Романов-на-Мурмане – будущий Мурманск, где станет строителем и руководителем первой мурманской электростанции. И если его отец через свое творчество дарил людям свет душевный, то сын будет освещать мурманскую жизнь уже в прямом смысле этого слова – посредством электричества.

В 1920 году, после окончательного установления на Кольском Севере советской власти, Николай Константинович Случевский, как активный сторонник белых, был арестован и расстрелян. Но и это еще не конец истории. Потомки Константина и Николая Случевских, породнившиеся, кстати, с родом выдающегося русского государственного деятеля Петра Столыпина, живут ныне в Америке. Внук инженера и правнук поэта Николай Владимирович Случевский уже в наши дни приезжал в Мурманск, чтобы почтить память деда.

АРКТИЧЕСКИЕ ЧУДЕСА И ПРОРОЧЕСТВА

Путешествие заняло трое суток. *«Чтобы точнее опреде-*

литъ положение судна, капитан встал с места и подошел к столу, на котором лежала карта северного побережья России. Три дня тому назад «Наутилус» находился у Соловецких островов, на месте последней стоянки, и на этом месте карты виднелась неподвижная красная точка, обозначавшая положение «Наутилуса». Особая система приборов обуславливала то, что, при желании Немо, красная точка эта могла бежать или бежала по карте точь-в-точь по тому пути, по которому шел «Наутилус». Подойдя к столу, капитан прикоснулся к одной из многочисленных кнопок, торчавших подле стола на стене, и красная точка мгновенно побегала по карте именно так, как прошел «Наутилус», от Соловецких островов до Маточкина Шара».

В итоге капитан Никто (именно так переводится с латинского слово «немо») разыскал Фиц-Роя, и тот пригласил его погостить. Чего только не было в хозяйстве ученого: оранжерея с кактусами, пальмами и фонтаном, парники и теплицы в прибрежных утесах, незримая электрическая изгородь, обширный и уютный жилой дом, высеченный в массивной – 700 тонн весом! – скале, явно оторванной от вершины ближайшей сопки. А еще – прибор, позволяющий видеть на десятки миль вокруг, очки, способные проникать взором непрозрачные предметы, корабль, превращающийся на суше в автомобиль, буер, оснащенный электрическим двигателем, и многое, многое другое. Спустя еще три дня пораженный до глубины души Немо возвратился на «Наутилус» и отплыл...

в Одессу, решив познакомиться с Россией поближе – теперь уже с южной стороны.

Человеком, приведшим укрывшегося от мира в подводных глубинах индийского аристократа к студеному побережью Мурмана, был не кто иной, как Константин Случевский. Посещение Кольского Севера отозвалось в его творчестве не только циклом стихов и путевыми очерками, но и фантастическим рассказом «Капитан Немо в России: глава из Жюль Верна, никем и нигде не напечатанная». Опубликованная в 1898 году, эта вещица, отчасти шуточная и пародийная, помимо всего прочего, интересна для нас еще и тем, что в ней впервые описано плавание субмарины там, где впоследствии возникли мощные базы отечественного подводного флота. Наследниками 20 000 лье «Наутилуса» стали моряки-североморцы, обогнувшие в 1966 году земной шар, ни разу не всплыв на поверхность. Пророчески звучат ныне и слова Случевского о том, что едва ли может и на самом Крайнем Севере существовать глушь для человека, что «от него самого зависит населить эту глушь всеми созданиями своего труда, знаний, опыта». Тогда это была фантастика. Сейчас – жизнь.

Глава 2. Сказочная страна будущего

Повествуя о том, как представляли себе грядущее Севера и Мурмана наши предки, жившие во второй половине XIX – первой половине XX века, давайте не будем забывать, что зерна смелых предвидений и вдохновенных пророчеств были рассыпаны не только в фантастических произведениях. Порой обычный журнальный очерк или вполне реалистичная книга содержали сюжеты и прогнозы, которым мог позавидовать самый гениальный фантаст. Об этом и пойдет здесь речь.

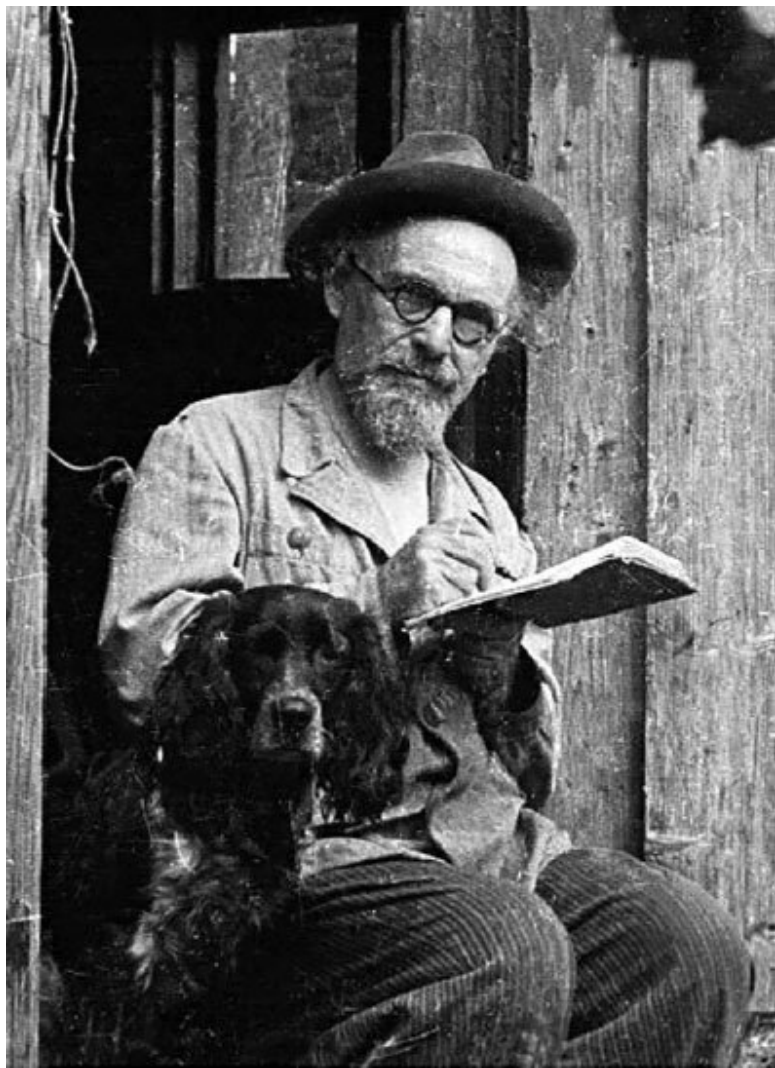
КАК ЗДОРОВЬЕ РЮРИКА

Долгое время Кольский полуостров – Российскую Лапландию описывали в категориях мифологических, населяя здешние места самыми невероятными существами. Потом на смену преданиям и легендам пришли мечты иного, прогрессорского плана. Но и тогда Кольское Заполярье представлялось жителям «материковой» России местом сказочным, фантастическим, землей невиданных чудес и всяческого ресурсного изобилия.

«Передавали поморы, что... подплывал кит к... берегу

Мурмана, — вспоминал один из наиболее известных поэтов Серебряного века Андрей Белый «каламбур» своего отца — профессора математики Николая Бугаева. — *Спросил... любопытный кит глухого... помора: "Как здоровье Рюрика?" И на недоумение глухого старика добавил: "Лет с тысячу тому назад я подплывал к этому берегу; у вас царствовал Рюрик в ту пору"». С современной точки зрения — чистое фэнтези.*

Иной раз фантастику и действительность в представлениях о Кольском Заполярье было трудно отличить друг от друга. К примеру, вот как старый помор Никита Потапыч — герой изданной в 1925 году фантастической повести Владимира Орловского «Машина ужаса» описывает лов трески на Мурмане во времена своей юности: *«Выходя в море флотилией навстречу стае, рыбаки пробуют густоту ее, всовывая весло в эту живую, движущуюся кашу; и если весло стоит торчком, не может двигаться в сплошной массе рыбы — стая считается достойной внимания и начинается лов».*

Михаил Михайлович Пришвин

А теперь, что называется, найдите десять отличий. Вот как о том же самом в 1909 году в очерке, посвященном проблемам мурманских промыслов, писал телеграфист из Александровска-на-Мурмане, знаток жизни края Александр Андрианов. *«Да, мы видели... на морских отливах и селедку, и китов, и тюленей, – пояснял он, – а с берега не раз любовались, насколько охватывал глаз, кипеньем сайды и селедки и плавными движениями, белыми, как сливки, юрами белухи, тысячами черных головок тюленя; не раз находили на берегу выброшенную в порядочном количестве песчанку, мойву».*

Неудивительно, что Михаил Пришвин во вполне реалистической вещи «За волшебным колобком», появившейся в 1908 году, сравнивал Кольский Север с чудесной страной. *«Страна без имени, без территории! – писал он. – По незнанию мы называли ее то Азией, то Африкой, то Америкой. Но в ней не было границ; она начиналась от того леса, который виднелся из окна классной комнаты. И мы туда убежали. После долгих скитаний нас поймали, как маленьких лесных бродяг, и заперли. Наказывали, убеждали, смеялись, употребляли все силы доказать, что нет такой страны. Но вот теперь у каменных стен со старинными соснами, возле этой дикой Лапландии, я со всей горечью души чувствую, как не правы были эти взрослые люди. Страна, которую ищут дети, есть».*

ИЗВЕСТКУ ВЫТЯНУЛО ВОЗДУХОМ

Подобные представления о Мурмане как о чем-то диковинном и диком имели и свою обратную сторону, затрудняя и без того непростое шедшее освоение Кольского края. Вот только два хрестоматийных эпизода. Когда в 1804 году при сооружении первого на Мурманской земле каменного здания – Благовещенской церкви в Коле – недостроенный храм внезапно обрушился, кольский городничий составил об этом специальный рапорт. И, видимо, желая отвести от себя обвинения в слабом «смотре» за качеством кладки, сообщил в нем, что он «каменщиков винить не может», так как строить каменные здания в Лапландии не позволяет климат: *«Кольским воздухом (оцените формулировку! – Д. Е.) из стен церковных всю известку вытянуло».*

Кола. Собор Благовещения Пресвятой Богородицы. 1867.
Из фондов Норвежской национальной библиотеки

А в 1867 году, обсуждая способы заселения края, архангельский вице-губернатор Сафронов заявил: *«Каким образом мы заключим контракт с природою, чтобы почва, которая там климатическими условиями осуждена на бездействие, сделалась бы лучше, или чтобы климат изменился, чтобы зима сделалась короче, морозы легче и, наконец, чтобы там возможно было водворить какой-нибудь живой элемент?.. Я был в Коле... Учреждение в этом месте областного города было бы повторением той ошибки, которая до-*

пускалась в недавнее время, что в пустынных местах учреждались губернии... Желать развития торговли, промышленности какой бы то ни было, в особенности увеличения населения, – значит желать невозможного, потому что население движется туда, где благоприятствуют ему почва и климат. Но кто же пойдет на Север, в челюсти полюса?»

Однако ситуация постепенно менялась. И посетивший Мурман в 1907 году генерал-адъютант Федор Дубасов, подчеркивая его значение как «коренной русской окраины, которую, несомненно, ожидает великое будущее», уже фактически выражал общее мнение. В ту пору уже существовали планы строительства здесь города-порта, проведения железной дороги и даже сооружения канала от Колы до Канда-лакши. Конец XIX – начало XX века стали для Севера вообще и Кольского Заполярья в частности эпохой грандиозных проектов, эпохой радужных надежд, эпохой, когда элементы фантастики активно использовались исследователями для характеристики ожидавших эти суровые края перспектив. Судите сами.

ОЛЕНЬИ БЕГА И МУРМАНСКИЙ ВЕСТНИК

Еще в 1877 году известный писатель Василий Иванович Немирович-Данченко, проникая мысленным взором в грядущее Российской Лапландии, писал, что «на берегах ее воздвигнутся торговые города... Глушь ее и захолустье проре-

жуются дорогами. Номады-оленоводы обратятся в оседлых промышленников, и на месте нынешнего царства смерти и безлюдья возникнет живая и кипучая деятельность трудового населения, явятся центральные рынки, и могучая воля человека сумеет вызвать к жизни и недра гранитных гор, и непроходимые дебри земли лопской. У мрачного полюса будет отнята человеком еще одна страна, еще раз мысль и энергия восторжествуют над слепыми силами природы!»

Прошли десятилетия, и сказка, рассказанная Немировичем-Данченко, стала былью. Настолько, что ныне, думая о сохранении окружающей среды, кое-что из совершенного хочется снова сделать сказкой...

Василий Иванович Немирович-Данченко

В 1894-м на Мурмане побывал министр финансов Российской империи Сергей Витте. Год спустя сопровождавший его в поездке журналист Евгений Кочетов, выступавший под псевдонимом Евгений Львов, опубликовал книгу «По Студеному морю», где есть и такие строки: *«...К счастью, потребность поднять наш Мурман ощущается уже не одними аборигенами и знатоками... Наши искони русское Студеное море может кормить все русские губернии, и все-таки всей России вовеки не опустошить, не выловить и не вычерпать этот безбрежный и бездонный источник нашего богатства. Понятно также и то, что флот на Мурмане есть не только вооружение наших северных берегов, охрана нашей, пускай пока копеечной, торговли, а выход не только из замкнутого моря, но, может быть, даже (со временем) и из замкнутого положения самой России. Мало того, порт и флот – лучшие колонизаторы Мурмана, как и всякого другого побережья любой страны.*

Я совершенно согласен, что, удайся России хотя бы путем направления сюда ссылок и при огромных жертвах быстро и густо заселить Мурман и Лапландию, конечно, лет через 25, флоту все-таки volens nolens пришлось бы осесть там для защиты ставшего людным и ценным побережья, но это, повторяю, и трудно, и мешкотно, а водворись флот там прочно сегодня, завтра там не только безо всякого понуждения, усилий и особых расходов, но и без всякого приглашения явятся тысячи русских колонистов и

торговцев и других всяких людей, и лет через 25 Екатерининская дума заговорит о канализации города, а репортеры Екатерининского или вообще Мурманского Вестника будут сообщать местным читателям об оленьих бегах на острове Кильдине и о том, что тотализатор вчера за такого-то оленя-победителя выдал выигравшим такую-то сумму. Словом, я хочу сказать, что Мурман не только быстро заселится, но и войдет в общую жизнь России как с местными мелкими, так и всероссийскими, мало того, мировыми интересами...»

Редко кому удавалось предвидеть будущее отдаленной и малоосвоенной тогда окраины страны с такой точностью. И в целом – то, что Студеное море может кормить рыбой всю страну, а также то, что спустя всего 20 лет, в ходе Первой мировой войны, Кольский полуостров останется единственным для России «окном в Европу». И в деталях – таких, как появление «Мурманского вестника» и олени бега, которые, пусть не на Кильдине, пусть в Мурманске, в рамках традиционного Праздника Севера проводились ежегодно. Да и на счет роли ссылок в заселении Мурмана Кочетов, увы, попал в точку.

НЕДАЛЕКО ТО ВРЕМЯ

Среди тех, кто оставил документальные пророчества о завтрашнем дне Кольского Севера, встречались не только

оптимисты. Увы, но и их предсказания попали в точку. В 1907 году чиновник по крестьянским делам 1-го участка Александровского уезда Александр Мухин, оценивая перспективы сохранения приграничными пазрецкими лопарями традиционного уклада жизни, выступил буквально в жанре антиутопии и предсказал, что оленные люди *«должны будут бросить искони насиженные летние места по берегам Пазреки... единственный оплот православия и исторический памятник – церковь святых Бориса и Глеба запустеет, пройдут века, и следа не останется в воспоминание того, что территория эта когда-то была русской землей, населенной полукочевниками-лопарями, сумевшими, однако, со времен преподобного Трифона сохранить и свою веру, и свою национальность»*.

Почти так все в итоге и получилось, за исключением того, что Борисоглебский храм и поныне остается русским форпостом на норвежском берегу реки Паз.

Впрочем, позитивных прогнозов было куда больше. Приведу еще несколько. В 1902 году журналист Александр Энгельмейер в книге «По русскому и скандинавскому Северу» утверждал, что *«Мурман – это великая страна будущего, это целая область неисчерпаемых богатств и незамерзающих гаваней. Это необъятная почва для русской колонизации»*. Уже упоминавшийся здесь Михаил Пришвин, думая о грядущем Российской Лапландии, мечтал *«о грандиозном предприятии соединить Великий океан с Северным*

Ледовитым, Порт-Артур с Александровском и о том, что тут предполагалась железная дорога... И лопари тогда поедут в Петербург... Вот только образование. Но и образование как-нибудь так тоже неожиданно придет». Наконец, в 1914-м, накануне Первой мировой войны, один из авторов «Известий Архангельского общества изучения Русского Севера» В. Н. Никольский выразил надежду: *«Быть может, недалеко то время, когда на Кольском полуострове появится новая, плотно заселенная губерния с главным городом-портом, круглый год незамерзающим».*

И действительно – время рождения Мурманска было уже близко. Как и время, когда Заполярье заняло свое, только ему свойственное место в фантастических произведениях. Но об этом – ниже.

Глава 3. Северная твердыня русского флота

Вы когда-нибудь слышали об Александрии? Не о египетской, а о мурманской? Не слышали? Странно. Представьте себе: ряды домов и мощные укрепления на берегу, прекрасно оборудованный порт, эскадры кораблей на рейде. Город военных моряков – главный форпост России в Арктике и на севере Европы. Что? Говорите, нет такого города и никогда не было? В том, что его нет, я, конечно, с вами соглашусь. Ну а относительно того, что его не было, – не торопитесь с выводами.

СЦЕНАРИЙ ГЛОБАЛЬНОГО КОНФЛИКТА

Действительно, в реальности заполярной Александрии никогда не существовало. Зато она возникла на страницах фантастической литературы. В 1888-м увидел свет роман «Роковая война 18?? года», автор которого укрылся за псевдонимом А. Беломор. Там-то и появился впервые город, названный в честь правившего тогда императора Александра III: военный порт, расположенный у северных границ российского Мурмана. *«Местом для этого порта после долгих изысканий и зрелых обсуждений была избрана Мотовская*

губа... В заливе Новая Земля, переименованном тогда же в Александровский, как в самом удобном и обширном, предложено было устроить главную морскую квартиру, новый город – Александрию». Сооружали его в сжатые сроки и скрытно. «Об Александрии, – утверждал Беломор, – никто и ничего не знал не только в Кронштадте, но даже в Лондоне, Берлине и Вене».

Настоящее имя Беломора – Александр Егорович Конкевич. Флотский офицер и один из ведущих писателей-маринистов своего времени, он, по сути дела, предложил в «Рокковой войне...» сценарий будущего глобального конфликта. События, потрясшие планету, начались схваткой между Францией и Германией, вызванной, «как и все предыдущие, интригами Англии». А затем произошел «общий взрыв в старой Европе». Россия отреагировала жестко: заняла Босфор, разгромила Австро-Венгрию и Италию. Но главный стратегический ход был сделан на Севере.

Броненосные силы Черноморского и Балтийского флотов удалось перебросить в новую морскую крепость – Александрию. Их появление на Мурмане, откуда они имели свободный выход в открытый океан и могли угрожать коммуникациям и колониям «владычицы морей», в корне изменило стратегическую ситуацию. Британия так и не осмелилась напасть, а Россия смогла решить сразу две важнейшие задачи – заняла проливы и создала военно-морскую базу в Заполярье.

Конкевич Александр Егорович (1842–1917?).

Из дворян Валдайского уезда Новгородской губернии. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Первый командующий болгарским военным флотом. Совершил кругосветное плавание. По выходе в отставку в 1883 году в чине капитана 2 ранга служил полицмейстером в Либаве (ныне Лиепая), руководил отделом торгового мореплавания Министерства финансов, состоял членом Совета Министерства торговли и промышленности, правления Русского общества пароходства и торговли, был заместителем председателя Ученого комитета торгового мореплавания. В 1894-м сопровождал министра финансов Витте в поездке на Кольский полуостров для выбора места под военно-морскую гавань. С 1910 года – тайный советник. 23 января 1917 года высочайшим указом получил право добавлять к фамилии приставку «Мурманский». Один из основоположников отечественной военной фантастики. Автор романов «Крейсер "Русская надежда"», «Роковая война 18?? года», «Морские твердыни России», в которых описывал будущие сражения русского флота, а также ряда публицистических произведений, посвященных актуальным на тот момент флотским проблемам, рассказов и очерков по истории флота. Точная дата и обстоятельства кончины неизвестны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.